УТРО М-РА БЛУМА

(ГЛАВА ИЗ „УЛИССА“)

ДЖЭЙМС ДЖОЙС

М-р Леопольд Блум охотно ел внутренние органы животных и птиц. Он любил жирный суп из гусиных потрохов, начиненную орехами шейку, фаршированное жареное сердце, рубленую печонку с хлебной корочкой, запеченные наважьи молоки. Больше всего он любил жареные на углях бараньи почки, оставлявшие на его нёбе легкий, еле уловимый вкус мочи.

О почках он и думал, бесшумно расхаживая по кухне и собирая на покоробленный поднос завтрак. Свет и воздух в кухне были прохладны, но за дверью — мягкое летнее утро повсюду. От этого чуточку хотелось есть.

Угли багровели.

Еще ломтик хлеба с маслом: три, четыре: так. Она не любит, когда тарелка полная. Так. Он отошел от подноса, снял чайник с камфорки и поставил его боком на огонь. Чайник уселся, тупой и толстый, выставив носик. Скоро чашка чая. Хорошо. Во рту сухо. Кошка ходила на несгибающихся лапах вокруг ножки стола, хвост кверху.

— Мяу!

— Ах, вот ты где, — сказал м-р Блум, отвернувшись от очага.

Кошка мяукнула в ответ и опять чопорно зашагала вокруг ножки стола, мяукая. Вот так точно она разгуливает по моему письменному столу. Прр. Почеши мне голову. Прр.

Мистер Блум с добродушным любопытством следил за грациозным черным существом. Приятно смотреть: глянцевитая, мягкая шерсть, белая пуговка под хвостом, зеленые мерцающие глаза. Он нагнулся к ней, ладонями в колени.

— Кисеньке молока, — сказал он.

— Мяу! — крикнула кошка.

Говорят, что они глупые. Они понимают все, что мы говорим, лучше, чем мы их. Она понимает все, что она хочет понять. И мстительная. Интересно, каким я ей кажусь. Вышиной с башню? Нет, она ведь может вспрыгнуть на меня.

— Мы цыплят боимся, — поддразнил он. — Цыпочек боимся. В жизни не видал такой глупой кисеньки, как наша кисенька.

Жестока. От природы. Забавно, мыши никогда не пищат. Нравится, должно быть.

— Мяу! — громко сказала кошка.

Она поглядела вверх жадными, стыдливо сощуренными глазами, жалобно и протяжно мяукая, показывая ему молочно-белые зубы. Он следил, как темные глазные щели алчно сужались до тех пор, пока ее глаза не превратились в зеленые камни. Тогда он подошел к кухонному шкафу, достал

кувшин, только что наполненный молочником от Ханлона, налил в блюдце тепло пузырящегося молока и осторожно поставил его на пол.

— Гуррхр! — закричала она и, подбежав, принялась лакать.

Пока она три раза подряд тыкалась в блюдце и осторожно лакала, он смотрел на ее усы, сверкавшие, как проволока, в слабом свете. Интересно, это правда, что, если обрезать им усы, они потом не могут ловить мышей? Почему? Блестят в темноте, может быть, кончики. Или вроде шупальцев в темноте, может быть.

Он слушал, как она лакала и глотала. Яичницу с ветчиной, нет. Когда так сухо во рту, яйца не хорошо. Хорошо бы чистой, свежей воды. Четверг: сегодня у Бэркли не найти хорошей бараньей почки. Поджарить на масле, подбавить перцу. Лучше свиную почку у Длугача. Покуда чайник закипит. Она стала лакать медленней, потом не дочиста вылизала блюдце. Почему у них такой шершавый язык? Чтобы удобней лакать, сплошь поры. Чего бы ей еще дать поесть? Он огляделся. Нет.

Тихо поскрипывая башмаками, он поднялся по лестнице в холл, остановился у двери спальни. Может быть, ей хочется чего-нибудь вкусного. Она любит по утрам тоненькие ломтики хлеба с маслом. Может быть: как когда.

Он тихо сказал в пустом холле:

— Я до угла. Через минуту вернусь.

И, услышав свой голос, произнесший эту фразу, он прибавил:

— Что ты хочешь к завтраку?

Сонный, тихий храп ответил:

— Мн.

Нет, она ничего не хотела. Потом он услышал теплый, тяжелый вздох тише, это она повернулась на другой бок, и расшатанные медные шишки на кровати задребезжали. Надо как следует подвинтить их. Жалко. С самого Гибралтара. Немножко знала испанский и то забыла. Интересно, сколько ее отец заплатил за нее. Старинная. Ну да, конечно. Купил на аукционе у губернатора за гроши. В денежных делах тверд, как кремень, старик Твиди. Да, сударь. Было это под Плевной. Я, сударь, из рядовых выбился и горжусь этим. А все-таки хватило сообразительности скупить почтовые марки. Определенно дальновидный старик.

Его рука сняла шляпу с крюка, на котором висели его осеннее пальто с монограммой и купленный по случаю в бюро находок дождевик. Марки: картинки с клеем назади. Убежден, что этим делом занимаются многие офицеры. Несомненно. Пропотелое клеймо на дне шляпы сказало ему молча: Пласто высшая марка шля. Он быстро заглянул за кожаный ободок. Белая бумажная полоска. В полной безопасности.

На пороге он поискал в заднем кармане ключ от парадной. Нету. В тех штанах, что я снял, надо поискать. Картофель у меня есть. Шкаф скрипит. Не стоит ее будить. Она как раз повернулась во сне на другой бок. Он очень тихо потянул за собой дверь, еще, покуда низ двери не примкнул к порогу, усталое веко. Выглядит так, словно заперто. Как-нибудь сойдет, пока я не вернусь.

Он перешел на солнечную сторону, обойдя поднятую крышку люка № 75. Солнце приближалось к колокольне церкви св. Георгия. Сегодня будет тепло, я думаю. В черном костюме особенно чувствуется. Черный цвет проводит, отражает (или преломляет?) тепло. В светлом костюме я бы не мог выйти. Точно на пикник. Его веки часто спокойно опускались, пока он шел в блаженном тепле. Хлебные фургоны Болэна, развозящие в ящиках наш насущ-

ный, но он предпочитает вчерашние хлебцы, яблочные пироги, поджаренную хрустящую горбушку. Сразу чувствуешь себя молодым. Где-нибудь на востоке: раннее утро: встать на заре, все время итти по миру впереди солнца, опережая его на один день. Остановить его навсегда, никогда ни на один день не состаришься, рассуждая теоретически. Потом по берегу, чужая страна, городские ворота, там постовой, тоже старый служака, усищи, как у старика Твиди, склонившийся на этакое длинное копье. Блуждать по улицам с тентами. Мимо — лица под тюрбанами. Темные пещеры ковровых лавок, огромный дядя. Страшный турок, сидит, поджав ноги, курит изогнутую трубку. Торговцы орут на улицах Пить воду, пахнущую укропом, шербет. Весь день бродить. Пожалуй, встретиться с разбойником, с двумя. Ну что ж, ну и встретиться. Так до вечера. Тени мечетей на пилястрах: священник с развернутым свитком. Трепет в деревьях, сигнал, вечерний ветер. Я иду дальше. Блекнет золотое небо. Мать стоит на пороге. Она зовет детей домой на темном их языке. Высокая стена: за ней звенят струны. Ночь, небо, луна, фиолетовая, как новые подвязки Молли. Струны. Слушай. Девушка играет на этом инструменте, ну, как он называется: цитра. Я иду дальше.

Но самом деле, вероятно, ничего подобного. Всё от чтива: по пути солнца. На титульном листе солнечный восход. Он улыбнулся, довольный. Как это Артур Гриффитс сказал про заставку над передовой в „Фримэне": солнце гомруля, встающее на северо-западе из переулка за Ирландским банком. Он задержал довольную улыбку. Звучит по-еврейски: солнце гомруля, встающее на северо-западе

Он подошел к магазину Ларри О'Рурка. Из-за решетки погребка вздымались густые испарения портера. Бар дышал в открытую дверь запахами имбиря, чайной пыли, бисквитного теста. Хорошее местечко все-таки: тут как раз кончается уличное движение. Например, трактир Мак-Оли там внизу н. х. место. Конечно, если бы проложили трамвайную линию вдоль Северного круга от скотного рынка до набережных, цена бы моментально вскочила.

Лысая голова над шторой. Хитрый старый скряга. Не имеет смысла уговаривать его насчет объявления. Он сам знает, что ему нужно. Вот он собственной персоной, работяга Ларри, без пиджака, прислонился к ящику с сахаром, смотрит, как его приказчик в переднике орудует шваброй и ведром. Саймон Дэдалус замечательно изображает его, как он щурит глаза. Знаете, что я вам скажу? Ну что, м-р О'Рурк? Знаете, что? Японцы в два приема слопают русских.

Остановлюсь, перекинусь парой слов: насчет похорон, что ли. До чего жалко беднягу Дигнэма, м-р О'Рурк.

Свернув в Дорсет-стрит, он бодро сказал, здороваясь через порог:

— Добрый день, мистер О'Рурк.

— Добрый день.

— Хороша погодка, верно?

— Лучше не бывает.

Откуда они достают деньги? Приезжают этакими рыжеволосыми мальчишками из какого-нибудь захолустья и хлещут пиво в погребе. А потом, в один прекрасный день — хлоп, расцветают, как какой-нибудь Адам Финдлэтер или Дан Таллон. И при этом еще не забудьте — конкуренция. Всеобщая жажда. Вот была бы неплохая задачка — пройти по Дублину, не встретив по дороге ни одного кабака. Копить им не из чего. Может быть, с пьяных. Пишем три, пять в уме. А много ли получится? Тут шил-

линг, там шиллинг, потихоньку, помаленьку. Может быть, на оптовых заказах. Снюхиваются с коммивояжерами. Вкрути хозяину, а мы с тобой поделимся, понял?

Сколько же это получится в месяц, хотя бы с портера? Скажем, десять бочек. Скажем, он получает десять процентов. Нет, больше. Десять. Пятнадцать. Он прошел мимо св. Иосифа, народного училища. Мальчишки орут. Окна открыты. Свежий воздух укрепляет память или песенка. Эйбиси дифиджи кэломэн опикю рэстюви дэблью. Они мальчики? Да. Иништурк. Инишарк. Инишбоффин. Урок гиаграфии. Гора Блум.

Он остановился у витрины Длугача, уставился на гирлянды сосисок, болонских колбас, черных и белых. Пятьдесят помножим на. Цифры блекли в его сознании, нерешенные: недовольный, он позволил им растаять. Сверкающие цепочки, начиненные мясом, радовали его взор, и он спокойно вдыхал тепловатое дыхание вареной, приправленной специями свиной крови.

Почка сочилась кровью на блюде, разрисованном листьями ивы: последняя. Он стоял у прилавка рядом с прислугой из соседнего дома. Пожалуй, она ее купит, перечитывает, что ей заказали, — держит в руке записку. Изъедена: щелоком. И полтора фунта сосисок. Его глаза остановились на ее мощных икрах. Вудс его зовут. Не знаю, чем занимается. Жена старовата. Свежая кровь. Чтоб никаких ухажеров. Крепкие руки. Выбивает ковер на веревке, ей-богу, выбивает. Как ее неровный подол взлетает при каждом взмахе.

Мясник с глазами хорька сложил сосиски, которые он срезал пятнистыми пальцами, сосиско-розовыми. Крепкое мясо, точно откормленная телка.

Он взял лист из кучи нарезанной бумаги. Образцовая ферма в Киннерете на берегу Тивериады. Можно создать идеальный зимний санаторий. Мозес Монтефиоре. Я знал, что это он. Ферма, кругом стена, расплывшийся скот пасется. Он отвел лист подальше от глаз: интересно. Надо прочесть как следует заглавие, расплывшийся скот на пастбище, лист шуршал. Молодая, белая телка. Те утра на скотном рынке, скот мычит в загоне, клейменые овцы, шлепанье навоза, скотопромышленники увязают подкованными сапогами в подстилке для скота, хлопают ладонью по мясистой задней части, вот огузок первый сорт, в руках сыромятные бичи. Он терпеливо держал листок наискось, склоняя чувства и волю, глядя прямо перед собой тихим, покорным взором. Неровный подол взлетал при каждом взмахе.

Мясник выхватил два листа из кучи, завернул ей сосиски высшего сорта и скривил красную морду.

— Пожалуйте, барышня, — сказал он.

Она подала монету, нахально улыбаясь, вытянув толстую руку.

— Спасибо, барышня. Шиллинг три пенса сдачи. Вам что угодно?

М-р Блум поспешно указал. Скорей взять и за ней, если она пойдет медленно, за ее колышущимися окороками. Первое впечатление дня, приятно. Поскорей, чорт возьми. Куй железо, пока горячо. Она постояла у лавки в солнечном свете и лениво поплелась направо. Он выдохнул воздух носом: они не черта не понимают. Изъеденные щелоком руки. Роговые ногти на пальцах ног. Коричневая, рваная власяница, защищающая ее со всех сторон. Колючее презрение разгорелось в легкую радость в его груди. Для другого: отставной констэбль мял ее на Экклз-лэйн. Было бы за что подержаться. Сосиски первый сорт. Ах, простите, г-н полицейский, я заблудилась в лесу.

— Три пенса, пожалуйста.

Его рука взяла влажную, мягкую железу и сунула ее в боковой карман.

Потом она достала из брючного кармана три монеты и положила их на резиновые пупырышки. Они полежали, были быстро сосчитаны и быстро смахнуты, кружок за кружком, в ящик.

— Благодарю вас, сэр, заходите в другой раз.

Жадная вспышка лисьих глаз поблагодарила его. Через мгновенье он отвел взгляд. Нет, лучше не надо: в другой раз.

— Добрый день, — сказал он, уходя.

— Добрый день, сэр.

Ни следа. Ушла. Ну и что ж?

Он пошел домой по Дорсет-стрит, углубившись в чтение. Агендат Нехаим: товарищество плантаторов. На предмет покупки у турецкого правительства незаселенных песчаных участков и посадки на них эвкалиптовых деревьев. Огромные достоинства: тень, топливо и строительный материал. Апельсинные рощи и необозримые бахчи к северу от Яффы. Вы платите восемь марок, и вам засаживают один дунам земли маслинами; апельсинами, миндалем и цитрусами. Маслины дешевле. Апельсины нуждаются в искусственном орошении. Ежегодно будете получать образцы урожая. Имя владельца вносится в пожизненную книгу товарищества. Первый платеж — десять, остальное — ежегодными взносами. Блейбтрейштрассе 34, Берлин СВ, 15.

Номер не пройдет. Но что-то в этом есть.

Он увидел стадо, расплывшееся в серебряном зное. Серебряные, припудренные масличные деревья. Спокойные, долгие дни: подрезка, созреванье. Маслины укладывают в банки, да? У меня осталось несколько штук от Эндруза. Молли их выплевывает. Теперь она находит в них вкус. Апельсины в папиросной бумаге укладывают в корзины. Цитрусы тоже. Интересно, живет ли еще бедняга Цитрон в Сэнт-Кэвинс-Параде? И Мастянский со своей старой цитрой. Хорошие у нас бывали вечера. Молли в плетеном кресле Цитрона. Приятно подержать в руке холодный, восковой фрукт, подержать в руке, поднести к носу и вдохнуть аромат. Вот так, тяжелый, сладкий, дикий аромат. Всегда один и тот же, из года в год. Да и цены они берут неплохие, Мойзель мне говорил. Арбэтэс-плейс: Плезентс-стрит: добрые старые времена. Должны быть без малейшего изъяна, он говорил. А дорога какая. Испания, Гибралтар, Средиземное море, Левант. Корзины выстроились на набережной в Яффе, какой-то парень отчеркивает их в книжке, моряки в грязных робах ворочают их. А вон тот как его зовут из мое вам. Не видит. Шапочное знакомство, скучно. Со спины похож на того норвежского капитана. Интересно, встречу ли я его сегодня. Фургон для поливки улиц. Чтобы вызвать дождь. Яко на небеси и на земли.

Облако постепенно наползало на солнце, все больше, медленно, все больше. Серое. Далекое.

Нет, не так. Бесплодная земля, голая пустыня. Вулканическое озеро, мертвое море: без рыб, без водорослей, запавшее глубоко в землю. Никакой ветер не поднимет этих волн, серого металла, ядовитых туманных вод. Серный дождь, так они называли эту штуку с неба: города в долине: Содом, Гоморра, Эдом. Все мертвые имена. Мертвое море в мертвой стране, серой и древней. Теперь древней. Она вскормила самый древний, самый первый народ. Сгорбленная старая ведьма вышла от Кассиди, вцепившись в горлышко водочной бутылки. Самый древний народ. Странствовал по всему миру, из плена в плен, размножаясь, умирая, повсюду рождаясь вновь. Он лежит там теперь. Теперь больше не может рожать. Мертв: как у старухи: серое, запавшее влагалище мира.

Запустение.

Серый ужас палил его плоть. Сложив лист и сунув его в карман, он свернул в Экклз-стрит, торопясь домой. Холодные маслянистые струи скользили по его венам, холодная кровь: старость сковывала его соляным покровом. Ну вот, я и пришел. По утрам постоянно всякая гадость мерещится. Встал не с той ноги. Надо опять начать делать гимнастику по системе Сандова. Ходить на руках. Пятнистые, коричневые кирпичные дома. Номер восьмидесятый все еще не сдан. Почему это? Ведь стоит всего-навсего двадцать восемь. Тауерз, Бэттерзби, Норз, Мак-Артур: на окнах в первом этаже билетики. Пластыри на больном глазу. Вдохнуть нежный чайный пар, чад сковороды, шипящее масло. Ближе к ее обильному, согретому постелью мясу. Да, да.

Быстрый, теплый солнечный свет прибежал в мягких сандалиях с Баркли-сквера вдоль светлеющего тротуара. Бежит, она бежит мне навстречу, девушка с золотыми волосами по ветру.

Два письма и открытка лежали на полу в передней. Он нагнулся и поднял их. Миссис Мэрион Блум. Его быстрое сердце сразу забилось медленней. Нахальный почерк. Миссис Мэрион.

— Польди!

Войдя в спальню, он полузакрыл глаза и подошел сквозь теплый желтый сумрак к ее взлохмаченной голове.

— Кому письма?

Он посмотрел на них. Мэллингэр. Милли.

— Мне от Милли письмо, — сказал он медленно, — а тебе открытка. И письмо тебе.

Он положил открытку и письмо на пикейное покрывало у сгиба ее колен.

— Поднять штору?

Осторожными рывками поднимая штору до половины, он увидел, скосив глаза, как она взглянула на письмо и сунула его под подушку.

— Так довольно? — спросил он, обернувшись.

Она читала открытку, опершись на локоть.

— Она получила вещи, — сказала она.

Он подождал; она отложила открытку и снова медленно, с блаженным вздохом свернулась клубком.

— Сделай скорей чай, — сказала она, — у меня внутри все пересохло.

— Вода кипит, — сказал он.

Но он остался и убрал со стула: ее полосатую нижнюю юбку, смятую, запачканную рубашку: взял все в охапку и положил в ногах кровати.

Когда он спускался в кухню, она позвала:

— Польди!

— Что?

— Сполосни чайник.

Определенно кипит: хвост пара из носика. Он прокипятил и сполоснул фарфоровый чайник и положил в него четыре полных ложки чая, потом наполнил его водой, наклонив большой чайник. Поставив чай завариваться, он снял большой чайник и поставил сковороду на горящие угли и стал следить, как скользит и тает комок масла. Покуда он разворачивал почку, кошка, мяукая, терлась об него. Дашь ей слишком много мяса, она перестанет ловить мышей. Говорят, они не едят свинины. Кошер. На. Он уронил измазанную кровью бумагу и бросил почку в шипящее масло. Перец.

Он щепотью, кругообразно посыпал ее перцем из надтреснутой рюмки для яиц.

Потом он вскрыл письмо, пробежал глазами страницу и перевернул ее. Спасибо: новый берет: м-р Кофлэн: пикник на озеро Оуэл: молодой студент: купальщицы Блэйзиса Бойлэна.

Чай заварился. Он наполнил свою собственную чашку, фальшивый „Краун-Дерби", улыбаясь. Глупышка Милли подарила в день рождения. Ей было тогда всего пять лет. Нет, постойте: четыре. Я подарил ей поддельные янтарные бусы, она их разорвала. Совал для нее в ящик для писем сложенные пополам листы коричневой бумаги. Он улыбался, наливая чай.

О Милли Блум, ты моя душка,
Кроме тебя мне никого не надо,
Ты мне милее без одной полушки,
Чем Кэти Кио с осликом и садом.

Бедный старый профессор Гудвин. Ужасный старый хрен. А все-таки был воспитанный старик. Как он по-старомодному кланялся, уводя Милли с эстрады. А это его зеркальце в цилиндре! Милли однажды вечером принесла его в гостиную. Посмотрите, что я нашла в шляпе профессора Гудвина! Мы все смеялись. Уже тогда чувствовалась женщина. Живая была девчонка.

Он воткнул вилку в почку и шлепнул ее на другую сторону: потом поставил чайник на поднос. Крышка запрыгала, когда он взял поднос. Все поставил? Бутерброды, четыре, сахар, ложка, сливки для нее. Да. Он понес его наверх, зацепив большим пальцем ручку чайника.

Толкнув дверь коленом, он внес поднос и поставил его на стул подле кровати.

— Как ты долго возился, — сказала она.

Медные шишки зазвенели, когда она резко выпрямилась, упершись локтем в подушку. Он спокойно посмотрел сверху вниз на ее жирное туловище и между большими, мягкими грудями, висевшими в ночной рубашке, как козье вымя. Тепло, поднимавшееся от ее лежачего тела, мешалось с запахом чая, который она наливала.

Полоска разорванного конверта выглядывала из-под смятой подушки. Уходя, он остановился и выровнял покрывало.

— От кого письмо? — спросил он.

Нахальный почерк. Мэрион.

— Ах, это от Бойлэна, — сказала она. — Он прислал мне программу.

— Что ты будешь петь?

— La ci darem с Дж. С. Дойлем, — сказала она, — и „Старинную песню любви".

Ее полные пьющие губы улыбнулись. От этого ладана на следующий день остается довольно противный запах. Как протухшая вода из-под цветов.

— Не открыть ли мне на минутку окно?

Она отправила в рот сложенный пополам ломтик хлеба, спросила:

— В котором часу похороны?

— Кажется, в одиннадцать, — ответил он, — я еще не читал газет.

Следя за ее вытянутым пальцем, он за одну штанину поднял с кровати ее грязные панталоны. Нет? Тогда скрученную серую подвязку с чулком: слежавшаяся, блестящая пятка.

— Нет: книгу.

Другой чулок. Ее нижняя юбка.

— Наверно, упала, — сказала она.

Он пошарил. Voglio e non vorrei. Правильно ли она произносит: voglio. В кровати нет. Наверно завалилась. Он нагнулся и приподнял подзор. Упавшая книга распласталась на округлости оранжевотонного ночного горшка.

— Посмотри-ка, — сказала она. — Я заложила это место. Я тебя хотела спросить про одно слово.

Она хлебнула глоток чая из чашки, которую она держала не за ручку, и, быстро вытерев пальцы о простыню, стала водить шпилькой по странице, покуда не нашла слова.

— Метем что? — спросил он.

— Вот, — сказала она. — Что это значит?

Он нагнулся и прочел слово около лакированного ногтя ее мизинца.

— Метемпсихоз?

— Да. Кто это такой?

— Метемпсихоз, — сказал он, хмурясь. — Это по-гречески: из греческого. Это означает трансмиграцию душ.

— Вот тебе раз! — сказала она. — Расскажите нам своими словами.

Он улыбнулся, искоса взглянув в ее смеющиеся глаза. Те же самые молодые глаза. Та первая ночь после шарад. Долфинз-Барн. Он перевернул сальные страницы. *Руби, гордость арены.* Ага! Иллюстрация. Разъяренный итальянец с бичом. А эта голая на полу, должно быть, и есть Руби, гордость. Страница предусмотрительно загнута. *Чудовище Маффеи бросил свою жертву и с проклятием оттолкнул ее.* В основе всего жестокость. Оглушенные наркозом животные. Трапеция у Хенглера. Пришлось отвернуться. Чернь разевала рот. Сломай себе шею, и мы надорвемся от смеха. Целыми семьями. С детства выкручивают им суставы, иначе не будет метемпсихоза. Чтобы мы жили после смерти. Наши души. Чтобы душа человека после его смерти. Душа Дигнэма...

— Ты ее прочла? — спросил он.

— Да, — сказала она. — В ней нет ничего похабного. И она все время любит первого?

— Не читал. Хочешь другую?

— Да. Достань мне Поль де Кока. Какое славное имя!

Она налила себе еще чаю, следя сбоку за струей.

Надо продлить абонемент на ту книгу в библиотеке на Кэпел-стрит. А то они напишут Кирни, моему поручителю. Реинкарнация: вот это правильно.

— Некоторые люди верят, — сказал он, — что мы после смерти продолжаем жить в другом теле, что мы жили еще раньше. Это называется реинкарнацией, перевоплощением. Что мы все жили раньше, тысячи лет тому назад, на земле или какой-нибудь другой планете. Они говорят, что мы забыли. Некоторые говорят, что они помнят свои прошлые жизни.

Ленивые сливки вились в чае волокнистыми спиралями. Чтобы она запомнила слово: метемпсихоз. Хорошо бы какой-нибудь пример. Пример?

„Купанье нимфы“ над кроватью. Приложение к пасхальному номеру „Фото-Битс“: роскошное многокрасочное произведение искусства. Как чай без молока. Чуточку похожа на нее с распущенными волосами: стройней. За рамку отдал три и шесть. Она сказала, что над кроватью будет чудно выглядеть. Нагие нимфы. Греция: и пример — все люди, жившие тогда.

Он опять раскрыл книгу.

— Древние греки, — сказал он, — называли это метемпсихозом. Они верили, что человек может превратиться в животное, или, например, в дерево. Ну, то, что они называли нимфами, к примеру.

Ее ложка перестала размешивать сахар. Она смотрела прямо перед собой, втягивая воздух раздутыми ноздрями.

— Пахнет горелым, — сказала она. — Ты не оставил ли чего на огне?

— Почка! — крикнул он вдруг.

Он небрежно сунул книжку во внутренний карман и, ушибив пальцы ног о сломанный комод, побежал на запах, торопливо перебирая по ступенькам журавлиными ногами. Удушливый дым поднимался сердитым лучом над одной стороной сковороды. Подцепив зубцом вилки почку, он оторвал ее и перевернул, как черепаху, на спину. Только чуточку подгорела. Он спихнул ее со сковороды на тарелку и полил коричневым соусом.

Теперь чашку чаю. Он сел, отпилил и намазал маслом ломтик хлеба. Он отрезал подгорелое мясо и бросил его кошке. Потом он отправил себе в рот вилку с большим куском и стал вдумчиво жевать вкусное, податливое мясо. Поджарено в самый раз. Глоток чая. Потом он нарезал хлеб на кусочки, обмакнул один из них в соус и положил себе в рот. Что это она там пишет про молодого студента и пикник? Он разложил письмо подле себя и медленно стал читать его, жуя, макая новый кусок хлеба в соус, и поднося его ко рту.

Дорогой папуля.

Спасибо большущее за дивный подарок ко дню рождения. Он мне замечательно идет. Все говорят, что я в новом берете прямо красавица. Мамочкину дивную коробку сливочных конфект я тоже получила и могу сказать одно: они дивные. Я теперь очень увлекаюсь фотографией. М-р Кофлэн сделал с меня снимок, и его жена пошлет вам его, когда он будет проявлен. Вчера у нас было очень много дела. Был день ярмарки, явилась вся наша компания. В понедельник мы собираемся устроить настоящий пикник на озеро Оуэл. Передай привет мамочке, а тебя я крепко целую и благодарю. Я слышу, как внизу играют на рояле. В субботу в Гревилл-Армз будет концерт. К нам иногда вечером приходит один молодой студент по фамилии Бэннон, его двоюродные братья или что то в этом роде какие-то важные господа, он поет песенку Бойлэна (я чуть не написала Блэйзиса Бойлэна) о купальщицах. Передай ему сердечный привет от глупышки Милли. Кончаю с горячей любовью.

Твоя любящая дочь
Милли.

P. S. Прости за скверный почерк, очень спешила. Пока.

М.

Вчера пятнадцать. Забавно, как раз пятнадцатого числа. Первый день рождения не у себя дома. Разлука. Помню то летнее утро, когда она родилась. Побежал на Дензилл-стрит, стучался к миссис Торнтон. Бодрая старушка. Сколько младенцев она вытащила на свет божий. Она сразу же поняла, что бедняжка Руди не выживет. Что поделаешь, бог милостив, сэр. Она сразу же поняла. Ему было бы теперь одиннадцать, если бы он был жив.

Он грустно уставился пустым лицом на пост-скриптум. Прости за скверный почерк. Спешила. Внизу играют на рояле. Вылупляется из яйца. Как мы с ней повздорили в кафэ из-за браслетки. Не притрагивалась к пирожному, не разговаривала, не смотрела. Дерзкая девчонка. Он обмакнул еще несколько кусочков хлеба в соус и кусок за куском съел почку. Двенадцать и шесть в неделю. Не так много. Но могло бы быть хуже.

Статисткой в мюзик-холле. Молодой студент. Он глотнул остывшего чая, чтобы запить еду, потом перечитал письмо: дважды.

Ничего, ничего: она знает, как уберечь себя. А если нет? Нет, ничего не случилось. Но может случиться, конечно. Во всяком случае подождем до тех пор. Сумасшедшая девчонка. Какие у нее стройные ножки, когда она взбегает по лестнице. Судьба. Как раз теперь созревает. Тщеславная: очень.

Взволнованный, тронутый, он улыбнулся кухонному окну. Как я ее тогда накрыл на улице — щипала себе щеки, чтобы были румяными. Чуточку малокровна. Слишком долго кормили грудью. А тогда — на „Короле Эрина" вокруг Киша. Поганая старая лоханка еле ползла. Ни капли не испугалась. Ее бледноголубой шарф развевался по ветру вместе с волосами.

Ах, эти ямочки, ах, эти пряди!
Крюжится голова при первом взгляде.

Купальщицы. Разорванный конверт. Руки в карманах, кучер в выходной день, поет. Друг семьи. Он произносит: крюжится. Мол с фонарями, летний вечер, музыка.

Купальщицы, купальщицы,
Ах эти, чудные купальщицы.

Милли тоже. Юные поцелуи: первые. Теперь уже в далеком прошлом. Миссис Мэрион. Теперь лежит на спине, читает, перебирает пряди волос, улыбается, сплетает их.

Легкая дрожь сожаления пробежала по его спине, усилилась. Будет то же самое, да. Предупредить. Бесцельно: ничего не поделаешь. Сладкие, яркие девичьи губы. Будет то же самое. Он почувствовал, как дрожь охватывает его тело. Бесцельно: теперь ничего не поделаешь. Губы целованные, целующие целованные. Полные липкие женские губы.

Хорошо, что она там: уехала. Занять бы ее чем-нибудь. Просила собаку, чтобы не скучать. Надо бы туда съездить. В августе, в первый понедельник банк будет закрыт, обратный билет всего-навсего два шесть. Как-никак шесть недель. Может быть, достану бесплатный билет по газетному удостоверению. Или через Мак-Коя.

Кошка, вылизавшая всю свою шкурку, вернулась к запачканной мясом бумаге, обнюхала ее и пошла к двери. Она обернулась, мяуча. Хочет выйти. Подожди у двери, когда-нибудь она откроется. Пусть подождет. Не может посидеть на месте. Электричество. Гроза в воздухе. Моет ухо, повернувшись спиной к огню.

Он почувствовал себя тяжелым, полным: потом кишки слегка осели. Он встал, расстегнул пояс брюк. Кошка замяукала на него.

— Мяу! — сказал он в ответ. — Подожди, пока я справлюсь.

Парит: будет жаркий день. Не стоит подниматься наверх на площадку. Газету. Он любил читать в уборной. Надеюсь, никто не сунется, пока я.

В ящике стола он нашел старый номер „Титбис". Он сунул его подмышку, подошел к двери и открыл ее. Кошка мягкими прыжками помчалась по лестнице. Ага, хотела наверх, свернуться клубком на кровати.

Он прислушался, услышал ее голос:

— Иди, иди, кисенька. Иди сюда!

Черным ходом он вышел в сад: остановился послушать, что делается

в соседнем саду. Ни звука. Может быть, развешивает белье для сушки. Служанка была в саду. Чудное утро.

Он нагнулся, чтобы рассмотреть тощую мятую траву, росшую вдоль ограды. Построить бы тут беседку. Красные турецкие бобы. Плющ. Надо бы удобрить весь участок. Скверная земля. Слой удобрения. Если не удобрять, земля будет всюду такая. Кухонные отбросы. Глина, что это в сущности такое? Куры в соседнем саду: их помет — очень хорошее удобрение. Хотя лучше всего — коровий, особенно если кормить их жмыхами. Перегной. Лучшее средство для чистки лайковых дамских перчаток. Грязь очищает. Зола тоже. Перепланировать весь участок. Вон в том углу посадить горошек. Салат-латук. Всегда будет свежая зелень. Хотя сады имеют и свои недостатки. Та пчела или муха в духов день.

Он пошел дальше. Кстати, где моя шляпа? Должно быть, повесил ее обратно на вешалку. Или в передней. Странно, не могу вспомнить. Вешалка совсем полна. Четыре зонтика, ее дождевик. Поднимал письма. В лавке у Драго звонил колокольчик. Удивительно, я как раз в этот момент думал. Коричневые напомаженные волосы над его воротником. Только что мыл голову и причесывался. Успею ли я сегодня сходить в баню? Тара-стрит. Говорят, этот тип за кассой помог убрать Джеймса Стивенса. О'Брайен.

Низкий какой голос у этого Длугача. Агенда как это там? И так, мадмазель. Энтузиаст.

Он толкнул ногой ветхую дверь нужника. Надо быть осторожней, не запачкать к похоронам брюк. Он вошел, нагнув голову под низкой притолокой. Оставив дверь полуоткрытой, среди вони заплесневелой известки и пыльной паутины, он отстегнул подтяжки. Прежде чем сесть, он глянул в щель на соседнее окошко. Царь был один в своей сокровищнице. Никого.

Усевшись на стульчак, он разложил газету на голых коленях и стал переворачивать листы. Что-нибудь новое и легонькое. Не надо торопиться, Чуточку придержать. Наш конкурс. *Мастерской удар Мэтчэма.* Автор — м-р Филипп Бофуа, Театральный клуб, Лондон. Автор получил по одной гинее за колонку. Три с половиной. Три фунта три. Три фунта тринадцать и шесть.

Он спокойно прочел, сдерживаясь, первую колонку и, уступая, но все еще придерживая, начал вторую. Дойдя до середины, он уступил окончательно и позволил своему кишечнику спокойно опорожниться, терпеливо читая, покуда не прошел весь небольшой вчерашний запор. Надеюсь, не слишком толсто, чтоб опять не было геморроя. Нет, в самый раз. Так. А! При запоре одну лепешку каскара саграда. Может быть, такова жизнь. Рассказ не взволновал и не тронул его, но было в нем что-то живое и приятное. Нынче всё печатают. Мертвый сезон. Он продолжал читать, спокойно сидя над своим вздымающимся снизу запахом. Определенно ловко. *Мэтчэм часто вспоминает о мастерском ударе, благодаря которому он завоевал смеющуюся колдунью, которая теперь.* Начало и конец нравоучительные. *Рука об руку.* Здорово. Он еще раз пробежал глазами прочитанное и, чувствуя, как спокойно течет его вода, беззлобно позавидовал м-ру Бофуа, который написал этот рассказ и получил за него гонорар в размере трех фунтов тринадцати и шести.

Попробовать написать скэтч. Авторы — Л. и М. Блум. Выдумать какую-нибудь историю, взять темой пословицу, какую? Когда-то я пробовал записывать на манжете все, что она говорила, одеваясь. Терпеть не могу одеваться вместе. Порезался, бреясь. Закусывает нижнюю губу, застегивая

юбку. Проверял ее по часам. 9. 15. Робертс тебе уже заплатил? 9. 20. Как Грета Конрой была одета? 9. 23. Чорт меня дернул купить эту гребенку! 9. 24. Меня пучит от капусты. Пылинка на ее лакированной туфле.

Быстро, по очереди трет носки туфель об икру в чулке. Утро после благотворительного базара, где оркерстр Мэя играл „Танец часов" Понкиелли. Объяснял, что сначала утренние часы, полдень, потом наступает вечер, потом ночные часы. Чистит зубы. Это была первая ночь. Ее голова плясала. Лопасти ее веера потрескивали. Он богатый, этот Бойлэн? У него есть деньги. Почему? Во время танца я заметила, что у него хорошо пахнет изо рта. Тогда какой смысл хмыкать? Намекнуть. Странная музыка вчера вечером. Зеркало было в тени. Она быстро потерла свое ручное зеркальце о шерстяной жакет на полной, зыбкой груди. Поглядела́сь в него. Морщинки под глазами. Не так уж спокойно.

Вечерние часы, девицы в сером газе. Потом ночные часы, в черном, с кинжалами и в масках. Поэтическая выдумка, розовое, потом золотое, потом серое, потом черное. И при этом абсолютно жизненно. День, потом ночь.

Он одним махом оторвал половину премированного рассказа и подтерся ею. Потом он подтянул брюки, пристегнул подтяжки и застегнулся. Он толкнул тугую, тряскую дверь нужника и вышел из полумрака на воздух.

На ярком свету, облегченный и посвежевший, он внимательно осмотрел свои черные брюки, низ, колени, складки на коленях. В котором часу похороны? Лучше всего справиться по газете.

Скрип и глухое гуденье высоко в воздухе. Колокола церкви св. Георгия. Они отзванивали время: громкое, глухое железо.

Бимбом! Бимбом.
Бимбом! Бимбом!
Бимбом: Бимбом!

Без четверти. Потом опять: обертон держался в воздухе. Терцию.

Бедный Дигнэм!

М-р Блум спокойно прошел мимо тележек на набержной сэра Джона Роджерсона, мимо Виндмилл-лэйн, маслобойки Лиска, почтово-телеграфной конторы. Можно было дать и этот адрес. И мимо Дома моряка. Он отвернулся от утренних шумов набережной и пошел по Лайм-стрит. У коттэджей Брэди околачивался мальчишка, на руке у него висело мусорное ведро, он курил изжеванный окурок. Девочка еще меньше его, со следами экземы на лбу, глазела на него, рассеянно придерживая поломанный обруч. Сказать ему, что если он будет курить, он перестанет расти. Бог с ним! Ему тоже не очень сладко живется. Дежурит у трактиров, чтобы отвести папу домой. Идем домой к маме, папа. Мертвый час: наверно, там народу будет немного. Он пересек Таундсэнд-стрит, прошел мимо хмурого фасада церкви Бетэл. Эл, да: дом: Алеф, Бет. И мимо похоронного бюро Николза. Назначено в одиннадцать. Времени достаточно. Кажется, Корни Келлехер устроил О'Нилу это дело. Поет с закрытыми глазами. Корни. Встретил ее как-то раз у парка. Им было жарко. Вот так дикарка. Полицейский шпик. Потом сказала свое имя и адрес с искренним тамтарарам пампам. Ну, конечно, он все прибрал к рукам. Похороните его по дешевке в какомнибудь где вам будет угодно. С искренним тамтарарам тамтарарам.

На Вестлэнд-род он остановился у витрины Бельфастской и Восточной чайной компании и прочел ярлыки на цыбиках из свинцовой бумаги:

лучшая смесь, высшего качества, семейный чай. До чего жарко. Чай. Надо достать у Тома Кернана. На похоронах, впрочем, неудобно спрашивать. Пока глаза его кротко читали, он снял шляпу, спокойно вздохнул жирный запах своих волос и с медлительной грацией провел правой рукой по лбу и волосам. Очень жаркое утро. Из-под опущенных век его глаза нашли узенький кожаный ободок внутри его высшей марки шля. На месте. Его правая рука нырнула внутрь шляпы. Его пальцы быстро нашли за кожаным ободком карточку и переложили ее в жилетный карман.

Как жарко. Его правая рука еще раз еще медленней скользнула по волосам: смесь высшего качества из лучших цейлонских сортов. Дальний восток. Должно быть, дивная страна: сад мира, большие, ленивые листья, на которых можно плавать, кактусы, лужайки в цветах, змеистые лианы, так они называются. Так ли это на самом деле? Сингалезы нежатся на солнце, этакое dolce far menete. За весь день пальцем не шевельнут. Спят шесть месяцев в году. Такая жара, что не хочется ссориться. Влияние климата. Летаргия. Цветы безделья. Воздух — лучшее питание. Азот. Оранжереи в ботанических садах. Растения нетронь-меня. Водяные лилии. Лепестки до того вялые, что. В воздухе сонная болезнь. Идешь по розовым лепесткам. Попробовали бы они поесть потрохов и телячьих ножек. Где это он был, тот парень, я видел его на какой-то картинке? Ах да, на Мертвом море, плыл на спине, читал книгу под открытым зонтом. Невозможно утонуть, если даже захочешь: до того много соли. Это потому что вес воды, нет, вес тела, погруженного в воду, равен весу... Или объем равен весу? Словом, есть какой-то закон в этом роде. Вэнс в школе хрустел на уроках суставами пальцев. Курс занятий. Хрустящий курс. Что такое в сущности вес, когда говорят вес? Тридцать два фута в секунду, в секунду. Закон падения тел. В секунду, в секунду. Все тела падают на землю. Земля. Закон земного притяжения, это и есть вес.

Он отвернулся и побрел на ту сторону улицы. Как это она шла со своими сосисками? Вот как-то так. На ходу он вынул из бокового кармана сложенную газету, развернул ее, скатал в трубку и стал похлопывать себя по штанине в такт волочащимся шагам. Безразличный вид: так только, заглянуть. В секунду, в секунду. В секунду означает каждую секунду. Он смело заглянул с панели в двери почтового отделения. Ящик для запоздавших писем. Почта здесь. Никого. Войти.

Он подал карточку через медную решотку.

— Есть для меня письма? — спросил он.

Покуда почтовая барышня рылась в гнезде, он загляделся на вербовочный плакат, изображавший солдат всех родов оружия на параде: и приставил трубку к носу, нюхая пахнущую свежей типографской краской тряпичную бумагу. Вероятно, ответа нет. В последний раз зашел слишком далеко.

Барышня вернула ему через решотку его карточку при письме. Он поблагодарил и быстро взглянул на печатный адрес.

Генри Флауеру, эсквайру,
До востребования,
Почт. отд. Вестлэнд-Роу,
Сити.

Все-таки ответила. Он сунул карточку и письмо в боковой карман, еще раз взглянув на парадирующих солдат. А где полк старика Твиди? Отстав-

ной солдат. Вот: медвежья шапка и петушиные перья. Нет, он гренадер. Остроконечные обшлага на рукавах. Вот он: королевские дублинские стрелки. Красные куртки. Слишком расфуфырены. Оттого бабы на них и вешаются. Мундир. Легче вербовать и муштровать. Статья Мод Гонн, чтобы их ночью не пускали на О'Коннелл-стрит: позор для нашей ирландской столицы. И газета Гриффитса долбит теперь то же самое. Гниющая от венерических болезней армия: заморская держава, ей море по колено. Вид у них, точно они не в своем уме: как под гипнозом. Смирно! Шаг на месте. Стол: ол. Кровать: ать. Собственная его величества. Никогда не видал его в полицейском мундире. Масон, да.

Он медленно вышел из почтового отделения и свернул направо. Болтовня: как будто от этого что-нибудь изменится. Он сунул руку в карман, и указательный палец пролез под клапан конверта, разорвав его несколькими толчками. Женщины наверняка не принимают таких мер предосторожности. Его пальцы вытащили письмо и смяли конверт в кармане. Что-то приколото: может быть, фото. Волосы? Нет.

Мак-Кой. Поскорей отвязаться от него. Мешает. Терпеть не могу общества, когда я.

— Алло, Блум. Куда направляетесь?

— Алло, Мак-Кой. Да так, собственно, никуда.

— Как жизнь?

— Чудно. А вы как?

— Живем помаленьку, — сказал Мак-Кой.

Он посмотрел на черный галстук и черный костюм и спросил тише, с уважением:

— У вас кто-нибудь... Надеюсь, ничего серьезного? Я вижу, вы...

— О, нет, — сказал м-р Блум. — Бедняга Дигнэм, вы ведь знаете. Сегодня хоронят.

— Верно! Бедняга. Да, да. В котором часу?

— Нет, не фото. Может быть значок какой-нибудь.

— О... одиннадцать, — ответил м-р Блум.

— Попробую подъехать, — сказал Мак-Кой. — Вы говорите, в одиннадцать? Я узнал только вчера вечером. Кто это мне рассказывал? Холохан. Вы знаете Хоппи?

— Знаю.

М-р Блум посмотрел через улицу на карету, стоявшую у дверей Грювнора. Носильщик вскидывал чемодан на крышу. Она стояла неподвижно, ждала, покуда мужчина, муж, брат, похож на нее, искал в карманах мелочь. Стильное пальто с круглым воротником, для такой погоды жарковато, похоже на байку. Стоит в равнодушной позе, засунув руки в накладные карманы. Как та чванная особа на состязании в поло. Все женщины задаются, покуда не попадаешь им в точку. Хороша собой и хорошо держится. Прежде чем отдаться, упирается. Почтенная госпожа и Брут, конечно, человек почтенный. Один раз взять ее — и всю спесь как рукой снимает.

— Я был с Бобом Дорэном, он опять сбился с пути, и, ну, как его зовут, Бэнтамом Лайонзом. Мы как-раз были у Конвэя.

Дорэн, Лайонз у Конвэя. Она поднесла руку в перчатке к волосам. Вошел Хоппи. Уже успел промочить горло. Откинув голову и глядя вдаль из-под опущенных век, он увидел яркую рыжеватую лайку, вспыхнувшую на солнце, вышитые раструбы. Как я сегодня хорошо вижу. Должно быть,

в сырую погоду лучше видишь. Говорит что-то. Барская ручка. С какой стороны она сядет?

— И он говорит: *Как жаль нашего бедного Пэдди! Какого Пэдди?* говорю я. *Бедняжку Пэдди Дигнэма*, говорит он.

Едет на дачу: наверно, в Бродстон. Высокие коричневые ботинки, шнурки болтаются. Красивая нога. Что это он так долго ищет мелочь? Заметил, что я смотрю. Вечно за всеми следит. Всегда что-нибудь в запасе. Не то, так это.

— *Как?* говорю я. *Что с ним случилось?* говорю я.

Гордая: богатая: шелковые чулки.

— Да, — сказал м-р Блум.

Он чуточку отстранился от говорящей головы Мак-Коя. Сию минуту сядет.

— *Что с ним случилось?* говорит он. *Он умер*, говорит он. И, честное слово, заплакал. *Неужели Пэдди Дигнэм?* говорю я. Я не хотел верить, когда услышал. Еще так недавно, в прошлую пятницу, или нет, в четверг, я был с ним в Ковчеге. *Да*, говорит он. *Он покинул нас. Он умер в понедельник, бедняжка.*

Гляди! Гляди! Шелк блеск белый чулок. Гляди!

Тяжелый трамвайный вагон, гудя звонком, разъединил их.

Исчезла. Чорт бы тебя побрал, тупорылый! Недоступен никаким чувствам. Рай и пери. Вечно одно и то же. В ту самую минуту. Как с той девицей на Юстэс-стрит в парадной, в понедельник это было, поправляла подвязку. Подруга заслонила ее, все закрыла. Esprit de corps. Ну, чего ты глазеешь?

— Да, да, — сказал м-р Блум, тупо вздохнув. — Еще одним меньше.

— Одним из лучших, — сказал Мак-Кой.

Трамвай проехал. Они умчались по направлению к мосту Луп-Лайн, ее рука в элегантной перчатке на стальном поручне. Проблеск, проблеск: кружевные искры ее шляпы на солнце: проблеск, блеск.

— Жена, надеюсь, здорова? — спросил изменившийся голос Мак-Коя.

— О да, — сказал м-р Блум. — В полном порядке, спасибо.

Он лениво раскатал газету и лениво прочел:

В доме, где нет Мясных консервов Пломтри,
нет совершенства.
Где они есть,
там рай на земле.

— Моя старуха только что получила ангажемент. То-есть еще не совсем.

Сейчас начнет про чемодан. Валяй, валяй, не стесняйся. Со мной этот номер не пройдет.

М-р Блум неторопливо и дружелюбно перевел на него глаза с тяжелыми веками.

— Моя жена тоже, — сказал он. — Она будет петь двадцать пятого в Ульстэрском зале в Бельфасте, большое дело.

— Вот как? — сказал Мак-Кой. — Очень рад, старина. Кто устраивает?

Миссис Мэрион Блум. Еще не встала. Королева ела в своей опочивальне хлеб с. Книги нет. Почерневшие короли, дамы, валеты лежали по семь в ряд возле ее ляжки. Брюнетка и блондин. Кошка меховой черный шар. Оторванная полоска конверта.

Старинная
Сладкая
Песнь
Любви
Любовь приди...

— Понимаете, это нечто в роде турне, — задумчиво сказал м-р Блум. — *Песнь любви.* Там образован целый комитет. Расходы поровну и прибыли поровну.

Мак-Кой кивнул, пощипывая пучки усов.

— Ах так, — сказал он, — приятные новости.

Сейчас уйдет.

— Ну, я очень ряд, что у вас дела хороши, — сказал он. — Я к вам загляну.

— Да, — сказал м-р Блум.

— Да, вот что еще, — сказал Мак-Кой. — Поставьте, пожалуйста, мое имя в списке на похоронах, хорошо? Мне очень хочется пойти, но, вероятно, не удастся. В Сэндикове кто-то утонул, если труп найдут, мне придется съездить туда со следователем. Вы просто впишите мое имя, если меня не будет, хорошо?

— Хорошо, — сказал м-р Блум, собираясь уходить. — Будет сделано.

— Отлично, — весело сказал Мак-Кой. — Спасибо, старина. Я бы пошел, если бы была возможность. Ну, пока. Просто Дж. С. Мак-Кой — и все дело.

— Будет исполнено, — твердо ответил м-р Блум.

Врасплох он меня не поймал. Этого еще недоставало. К чемоданам у меня особенное пристрастие. Кожа. Металлические углы, заклепанные края, двойной замок. Боб Каули одолжил ему свой чемодан для концерта на парусных гонках в Виклоу, и по сей день о нем ни слуху, ни духу.

М-р Блум пошел по направлению к Брунсвик-стрит, улыбаясь. Моя старуха только-что получила. Ржавое, скрипучее сопрано. Нос, как корка от сыра. По-своему не плохо для короткой баллады. Изюминки нет. Мы оба, понимаете? В одной лодке. Лезет без мыла. Прямо злиться начинаешь. Неужели он не чувствует разницы? Кажется, он к этому тоже имеет склонность. А я не любитель таких штук. Так и знал, что Бельфаст подействует. Надеюсь, с оспой там не стало хуже. Вдруг она не захочет еще раз сделать прививку. Ваша жена и моя жена.

Не следит ли он за мной?

М-р Блум постоял на углу, водя глазами по многокрасочным рекламам. Имбирное пиво Кэндрелл и Кочрэн (ароматическое). Летняя распродажа у Клери. Нет, он идет прямо. Ага! Сегодня вечером „Лия". Миссис Бандмэн-Памер. Охотно посмотрел бы еще раз. Вчера она играла „Гамлета". Мужская роль. Может быть, он был женщиной. Почему Офелия покончила с собой? Бедный папа! Как он часто рассказывал про Кэйт Бэйтмэн в этой роли. В Лондоне весь день торчал у входа в „Адельфи", чтоб попасть. За год до моего рождения это было: в шестьдесят пятом. И Ристори в Вене. Как это называется? Сочинение Мозенталя. „Рахиль", что ли? Нет. Там еще есть сцена, о которой он всегда рассказывал, как старый слепой Авраам узнает голос и кладет ему пальцы на лицо.

— Голос Натана! Голос его сына! Я слышу голос Натана, который покинул своего отца, умирающего от горя и нужды на моих руках, который покинул дом своего отца и покинул бога своего отца.

Каждое слово — такое глубокое, Леопольд.

Бедный папа! Бедный! Я рад. Я не пошел в его комнату и не видел лица. Ох, этот день. Боже, боже! Ффу! А может быть, это был для него лучший выход.

М-р Блум завернул за угол и прошел мимо понурых извозчичьих кляч Не стоит больше об этом думать. Сейчас их как-раз кормят. Жаль, что я встретил этого Мак-Коя.

Он подошел ближе и услышал хруст золотого овса, мягкое чавканье челюстей. Их большие оленьи глаза смотрели на него, когда он шел мимо, сквозь сладкий овсяной запах лошадиной мочи. Их Эльдорадо. Бедные дуралеи! На все на свете им наплевать. Уткнули себе длинные морды в торбы, и дело с концом. Так полны, что и говорить не хотят. И пищу имеют во-время и пристанище. Вид у них бодрый и глупый.

Он достал письмо из кармана и сунул его в газету, которую он держал в руке. Еще, пожалуй, налечу на нее тут. В переулке спокойнее.

Он пошел мимо извозчичьего трактира. Удивительная жизнь у извозчиков, в любую погоду, куда прикажут, в любое время, нет собственной воли. Voglio e non. Я их обычно угощаю папиросой. Общительны. Проезжая, непременно что-нибудь крикнут. Он замурлыкал:

La ci darem la mano
Ля ля ляля ля ля

Он свернул на Кэмберлэнд-стрит и, пройдя несколько шагов, остановился у вокзальной стены. Никого. Лесной двор Мида. Балки навалены. Руины и казарменные дома. Он осторожно шагнул через детский чертеж на панели с забытым камешком. Ни души. Невдалеке от лесного двора ребенок играл на корточках в шарики, один, ловко подкидывая шарик большим пальцем. Умная пестрая кошка, моргающий сфинкс, следила за ним со своего теплого порога. Жалко их спугивать. Магомет вырезал кусок из своего плаща, чтобы не будить ее. Теперь открою. И я когда-то тоже играл в шарики, когда ходил в школу к той старой даме. Она любила резеду. Миссис Эллис. А м-р? Он развернул письмо, не вынимая его из газеты.

Цветок. Кажется, это... Желтый цветок с придавленными лепестками. Значит, не сердится. Ну, что она пишет?

Дорогой Генри,

я получила твое последнее письмо и очень тебе за него благодарна. Мне жаль, что тебе не понравилось мое последнее письмо. Почему ты приложил марки? Я ужасно сердита на тебя. Мне очень хочется тебя за это наказать. Я назвала тебя гадким мальчишкой, потому что я не люблю этот другой мир. Объясни мне, пожалуйста, что значит это слово. Разве ты несчастлив в семейной жизни, мой бедный, маленький, гадкий мальчишка? Мне бы хотелось помочь тебе. Пожалуйста, напиши, что ты обо мне думаешь? Я часто думаю, какое у тебя чудное имя. Дорогой Генри, когда мы встретимся? Ты себе представить не можешь, как часто я о тебе думаю. Никогда в жизни я ни одним мужчиной так не увлекалась. Я ужасно корю себя за это. Пожалуйста, напиши мне длинное письмо и расскажи все. Помни, что если ты этого не сделаешь, я накажу тебя. Теперь ты знаешь, гадкий мальчишка, что я с тобой сделаю, если ты мне не напишешь. О, как я жажду встречи. Генри, дорогой, исполни мою просьбу, пока у меня не истощилось терпение. Тогда я расскажу тебе все. Ну, про-

щай, мой любимый, гадкий мальчишка. У меня сегодня ужасная головная боль и напиши *с обратной почтой* твоей тоскующей по тебе.

Марте.

P. S. Напиши мне, какими духами душится твоя жена. Мне хочется знать.

Он сосредоточенно снял цветок с булавки, понюхал его, почти незапах и положил его в грудной карман. Язык цветов. Они любят его, потому что никто его не слышит. Или отравленный букет, чтобы убить его. Потом, медленно двинувшись дальше, он перечитал письмо, время от времени бормоча какое-нибудь слово. Сердита тюльпан на тебя душка мужецвет накажу тебя кактус если ты не пожалуйста бедный незабудка как я жажду фиалки дорогой розы когда мы скоро анемона увидимся все гадкий белладонна жена Марты духи. Дочитав, он вынул его из газеты и положил обратно в боковой карман.

Тихая радость раздвинула его губы. Изменилась с тех пор, как прислала первое письмо. Интересно, сама ли она его писала. Прикидывается возмущенной: такая, как я, приличная барышня, достойный характер. Могли бы встретиться как-нибудь в воскресенье после церкви. Благодарю вас: не имею намерения. Обычная любовная ссора. Потом беготня за угол. Противно, как сцена с Молли. Сигара действует успокоительно. Наркотик. В следующий раз пойду дальше. Гадкий мальчишка; накажу: боится слов, конечно. Жестокость, почему нет? Все-таки попробую. Потихоньку, помаленьку.

Все еще ощупывая пальцами письмо, он вытащил из него булавку. Обыкновенная булавка, а? Он бросил ее на землю. Откуда-нибудь с платья: все сколото. Смешно, до чего много на них булавок. Нет розы без шипов.

Зычные дублинские голоса горланили в его голове. Те две девки ночью в Куме, рука об руку под дождем.

Ах, Мэ-эри потеряла булавку от штанов,
Что ей делать,
Чтоб она не падала,
Чтоб она не падала.

Она? Они. Ужасная головная боль. Наверно, у нее это самое. Или весь день стучит на пишущей машинке. Неправильный зрительный фокус, вредно для желудочных нервов. Какими духами душится твоя жена? Ну и ну.

Чтоб она не падала.

Марфа, Мария. Я видел где-то картину, не помню кто, старинный мастер или подделка на заказ. Он сидит у них в доме, разговаривает. Таинственно. Те две девки из Кума тоже заслушались бы.

Чтоб она не падала.

Чудесная вечерняя атмосфера. Никуда больше не ходить. Лечь и лежать: спокойные сумерки: пускай все идет, как идет. Забыть. Рассказывать о всех местах, где ты побывал, о чужих нравах. Другая, с кувшином на голове, готовила ужин. Фрукты, маслины, замечательная свежая вода из колодца, холодная, как камень, как из источника в стене в Эштауне. Надо будет захватить бумажный стаканчик, когда в следующий раз пойду на бега. Она слушает, раскрыв темные, мягкие глаза. Рассказывать ей: еще и еще: все. Потом вздох: молчанье. Долгий долгий долгий отдых.

Проходя под железнодорожным мостом, он достал конверт, быстро

разорвал его на части и бросил на дорогу. Обрывки улетели, утонули в тумане: белый взлет, потом все утонуло.

Генри Флауер. Можно было бы с тем же успехом разорвать чек на сто фунтов. Простой клочок бумаги. Лорд Айви как-то раз получил в Ирландском банке по семизначному чеку. Один миллион. Вот вам, сколько денег можно заработать на портере. А другому брату, лорду Ардилону, приходится, говорят, по четыре раза в день менять рубашку. В коже заводятся вши или гниды. Миллион фунтов, ну-ка, подождите. Два пенса за пинту, четыре пенса за кварту, восемь пенсов за галлон портера, нет, шиллинг и четыре пенса за галлон портера. Один и четыре на двадцать: примерно пятнадцать. Да, верно. Пятнадцать миллионов бочек портера.

Что я говорю бочек? Галлонов. Все равно около миллиона бочек.

Прибывший поезд тяжело простучал над его головой, вагон за вагоном. Бочки грохотали в его голове: тусклый портер хлюпал и пенился в них. Затычки выскочили, и мощные тусклые струи хлынули, сливаясь в один поток, извиваясь по топким равнинам, ленивый, растекающийся водоворот, уносящий на своей пене широколиственные цветы.

Он дошел до открытой задней двери Всех святых. Взойдя под портик, он снял шляпу, достал из кармана карточку и сунул ее обратно за кожаный ободок. Фу чорт. Как это я не попросил Мак-Коя достать мне бесплатный билет в Мэллингэр.

Та же самая наклейка на двери. Проповедь преподобного Джона Конми, О. И., о святом Питере Клэвере и африканской миссии. Спасти в Китае миллионы. Интересно, как это они все объясняют язычникам-китаёзам. Предпочитают унцию опиума. Сыны неба. Для них эта сущая ересь. Об обращении Гладстона они тоже молились, когда тот был уже почти без сознания. Протестанты точно такие же. Привели д-ра Вильяма Дж. Уолша, д-ра прав, в лоно истинной веры. Будда, их бог, лежит в музее на боку. Удобно устроился, рука под щекой. Горят ароматические свечи. Не то что Се человек. Терновый венец и крест. Хорошо придумано — св. Патрик трилистник. Китайские палочки для еды? Конми: Мартин Кэннингхэм его знает: представительная внешность. Жаль, что я обратился не к нему, чтобы он устроил Молли в хор, а к патеру Фарли, который выглядел дураком, но вовсе им не был. Их этому учат. Уж он-то ни за что не поедет в своих синих очках обливаться потом, крестить черномазых. Стекла сверкали бы, только отвлекали бы их внимание. Интересно поглядеть на них, как они сидят, собравшись в кружок, толстогубые, слушают, как в трансе. Натюр-морт. Наверно, лакают, точно молоко.

Холодный запах священного камня влек его. Он поднялся по истертым ступеням, толкнул дверь и тихо вошел с заднего хода.

Что-то есть: какое-то братство. Жаль, что так пусто. Чудесное укромное местечко, если рядом какая-нибудь девочка. Кто мой сосед? Все время бок-о-бок, под медленную музыку. Та женщина, во время ночной мессы. Седьмое небо. Женщины стояли перед скамьями на коленях, с кумачовыми лентами на шеях, склонив головы. Одна кучка стояла на коленях у самой решотки алтаря. Священник прошел мимо них, бормоча, держа в руках эту штуку. Возле каждой он останавливался, вынимал причастие, стряхивал с него одну-две капли (они лежат в воде?) и аккуратно клал ей в рот. Ее шляпа и голова опускались. Потом следующая: маленькая старушка. Священник нагнулся, чтобы положить ей в рот, все время что-то бормоча. Латынь. Следующая. Закрой глаза и открой ротик. Что? Corpus.

Тело. Труп. Хорошо придумано — латынь. Сразу же оглушает. Прибежище для умирающих. Они, кажется, и не жуют его: прямо глотают. Здорово придумано: есть куски тела, каннибалы, те прямо в восторге.

Он стал в стороне, следя, как их слепые маски тянулись по проходу, одна за другой, искали свои места. Он подошел к скамье и, сев в углу, занялся своей шляпой и газетой. Этакие котлы нам приходится носить. Следовало бы делать шляпы прямо по голове. Они были вокруг него со всех сторон, с красными лентами, все еще кланялись, ждали, чтобы оно растворилось в их желудках. Вроде мацы: тот же сорт хлеба: пресные хлебы предложения. Поглядите-ка на них. Держу пари, что они сейчас счастливы. Леденец. Факт. Ну да, так и называется — ангельский хлеб. Тут заложена глубокая мысль, примерно так — царство божие внутри нас. Первопричастники. Мороженое, пенни за порцию. Чувствуют себя членами одной семьи, как в театре, общий восторг. Наверняка. Я уверен. Не так одиноки. В нашем братстве. Потом выходят, чуточку не в себе. Выпускают пар. Во что ты по-настоящему веришь, то и существует. В Лурде излечиваются, воды забвения, явление Нока, кровоточащие статуи. Около исповедальни спит старик. Оттуда и храп. Слепая вера. Я в царство божие войду. Усыпляет все страдания. Разбудите меня в будущем году, в это же время.

Он увидел, как священник осторожно отставил чашу с причастием и на секунду опустился перед ней на колени, высунув большую серую подошву из-под надетой на него кружевной штуки. А вдруг он потеряет булавку от своих. Что ему делать, чтоб. Темя выбрито. На спине буквы И. Н. Р. И. Нет: И. Х. С. Молли мне как-то объясняла, я ее спрашивал. Истинно хулу сотворил: вот так. А та другая? Избавителя нашего распяли изверги.

Встретиться в воскресенье после обедни. Исполни мою просьбу. В вуали и с черной сумочкой. Сумрак и свет за ее спиной. Она с таким же успехом могла бы прийти сюда с лентой на шее и потихоньку заниматься тем, другим. Их характер. Тот тип, что предал „непобедимых", каждое утро ходил, Кэри его звали, к причастию. В эту самую церковь. Питер Кэри, нет, это я имею в виду Питера Клэвера. Денис Кэри. Подумать только, дома жена и шестеро детей. И все время готовиться к убийству. Эти черные крысы, самое подходящее для них имя, глазки у них вечно бегают. И в делах тоже не честны. Нет, ее тут нет: цветок: нет, нет. Кстати, я порвал конверт? Да: под мостом.

Священник сполоснул чашу: потом аккуратно вытряхнул осадок. Вино. Гораздо аристократичней, чем, например, пить что-нибудь будничное, портер Гиннеса или какое-нибудь безалкогольное пойло, Дублинскую горькую Уитли или имбирное пиво Кэнтрелл и Кочрэн (ароматическое). А им не дает ни капли: вино предложения, только другое. Холодное утешение. Благочестивый обман, но в общем совершенно правильно: а то бы сбежались все пьянчуги, один другого хуже, и стали бы выклянчивать выпивку. Странная какая вся атмосфера этого. Совершенно правильно. Все это абсолютно правильно.

М-р Блум оглянулся на хор. Музыки, очевидно, не будет. Жаль. Кто тут играет на органе? Старик Глинн, у того инструмент прямо-таки говорил, такое у него было вибрато: говорят, получал на Гардинер-стрит пятьдесят фунтов в год. Молли в тот день была в голосе, Stabat Mater Россини. Сначала проповедь патера Бернарда Воэна. Христос или Пилат? Христос, только, пожалуйста, не растягивайте на весь вечер. Музыки они хотели.

Перестали шаркать ногами. Слышно было, как падает булавка. Я сказал ей, чтобы она направляла звук вон в тот угол. Я чувствовал напряжение в воздухе, полное звучанье, публика подняла глаза:

Quis est homo?

Кое-что из старой церковной музыки замечательно. Меркаданте: Семь последних слов. Двенадцатая месса Моцарта: там есть такая gloria. В старину папы здорово понимали в музыке, в искусстве, в статуях, в разных картинах. Или, например, Палестрина. Хорошее было для них время. И для здоровья пенье полезно, точное расписанье, потом варили ликеры. Бенедиктин. Зеленый шартрез. И кастраты были у них в хоре, это уж, пожалуй, чуточку слишком. Что это за голос? Забавно, должно быть, слушать, после их собственного глубокого баса. Знатоки. Вероятно, потом уже ничего не чувствовали. Вроде успокоительного средства. Никаких переживаний. Жиреют, верно? Обжоры, огромные, ноги длинные. Кто знает? Кастрат.

Он видел, как священник нагнулся и поцеловал алтарь. Потом поглядел по сторонам и благословил народ. Все перекрестились и встали. М-р Блум осмотрелся и тоже встал, глядя поверх поднявшихся шляп. Когда будут читать евангелье, конечно, тоже придется стоять. Потом все опять опустились на колени, а он спокойно уселся на скамью. Священник вышел из алтаря, держа перед собой ту штуку, и стал переговариваться с причетником по-латыни. Потом священник встал на колени и начал читать по карточке:

— Господи, наше прибежище и наша сила...

М-р Блум подался вперед, чтобы расслышать слова. По-английски. Бросают им кость. Я смутно припоминаю. Сколько времени ты уже не был в церкви? Глория и беспорочная дева. Иосиф, ее супруг. Петр и Павел. Гораздо интересней, когда понимаешь, о чем идет речь. Блестящая организация, это факт, работает, как часы. Исповедь. Каждому хочется. Тогда я расскажу вам все. Покаянье. Накажите меня, пожалуйста. В их руках сильное орудие. Сильней, чем у врача или стряпчего. Женщины прямо до смерти. И я шушушушушу. А ты шашашашаша? А почему ты?.. Смотрит на свое кольцо, ищет оправданья. Галлерея шопотов, стены имеют уши. Супруг узнает к крайнему своему удивлению. Господь бог пошутил. Потом она выходит. Раскаянье до мозга костей. Сладостный стыд. Молитва у алтаря. Радуйся дева и Святая дева. Цветы, ладан, оплывающие свечи. Прячет румянец. Армия спасения — грубая имитация. Раскаявшаяся проститутка сейчас произнесет речь. Как я пришла к господу. Неглупые люди сидят в Риме: режиссируют весь этот спектакль. И деньги немалые загребают. И завещания: ныне здравствующему папе в полное его распоряжение. Чтобы служили обедни за упокой моей души при открытых дверях. Монастыри мужские и женские. Священник выступит свидетелем по делу о завещании. Его ничем не собьешь. У него на все есть ответ. Свобода и возвышение нашей святой матери церкви. Церковные ученые: здорово они разработали это свое богословие.

Священник молился:

— Святой Михаил архангел, защити нас в бедственный час. Будь нам защитником от зла и дьявольских козней (мы смиренно молим господа, да оградит он нас от них): и ты, князь небесного воинства, низринь через могущество господне сатану в ад и вместе с ним всех злых духов, что бродят по миру и ищут погибели человеческих душ.

Священник и причетник встали и ушли. Кончилось. Женщины остались. Благодарственная молитва.

Лучше потихоньку уйти. Брат Давайсюда. Как-раз подойдет с тарелкой: Внесите вашу пасхальную лепту.

Он встал. Вот тебе раз! Неужели две пуговицы на жилете были все время расстегнуты? Женщине смешно. Злятся, если ты не. Почему вы мне раньше не сказали? Никогда не скажет. А мы. Простите, барышня, на вас (пфф!) маленькая (пфф!) пушинка. Или юбка у нее сзади расстегнулась. Видно что-то белое. Луна выглянула. Все-таки больше нравится, когда беспорядок в туалете. Хорошо, что не ниже. Он пошел, незаметно застегиваясь, по проходу, и вышел через главную дверь на свет. Он секунду постоял, ослепленный, у холодной черной мраморной чаши, пока двое верующих впереди и позади него небрежно окунали руки в святую воду на донышке. Трамваи: фургон красильни Прескотта: вдова в трауре. Я заметил, потому что сам в трауре. Он надел шляпу. Который час? Четверть. Времени хватит. Пойду сейчас и закажу туалетную воду. Где это? Ах да, в тот раз. У Свени на площади Линкольна. Аптекаря редко переезжают. Слишком трудно перетаскивать эти их зеленые и золотые светящиеся шары. Хамилтон Лонг, осн. в год всемирного потопа. Неподалеку от гугенотского кладбища. Надо как-нибудь сходить туда.

Он пошел вдоль Вестлэнд-роу по направлению к югу. А рецепт остался в других брюках. Фу, и ключ от парадной я тоже забыл. Утомительная штука, эти похороны. Да, но он, бедняжка, тут ни при чем. Когда же это я ее в последний раз заказывал? Подожди-ка. Помню, я еще менял соверен. Значит не то первого числа, не то второго. Ах да, он же сам может проверить по книге заказов.

Аптекарь переворачивал страницу за страницей. Весь песочный, весь точно пропах чем-то сушеным. Сморщенный череп. И старый. Ищет философский камень. Алхимики. От наркотиков сначала возбуждаешься, потом старишься. Потом летаргия. Почему? Реакция. Целая жизнь за одну ночь. Медленно меняется характер. Весь день среди трав, мазей, дезинфицирующих средств. Все эти алебастровые горшочки. Ступка и пестик. Aq. Dist. Fol. Laur Te virid. Самый запах уже почти излечивает, как когда звонишь к зубному врачу. Доктор Трах. Себя бы самого полечил. Электуарий или эмульсия. Первый, кто сорвал травку, чтобы вылечиться ею, был дьявольски смелый человек. Лекарственные травы. Надо быть осторожным. Тут достаточно специй, чтобы захлороформировать человека. Доказательство: синяя лакмусовая бумажка становится красной. Хлороформ. Слишком сильная доза опия. Усыпительные средства. Любовные напитки. Парегорик, маковый настой, усиливает кашель. Закупоривает поры, оседает на слизистой оболочке. Яды — единственное лекарство. Вылечивает то, от чего ты меньше всего ожидаешь исцеления. Это природа ловко устроила.

— Примерно недели две тому назад, сэр?

— Да, — сказал м-р Блум.

Он стоял у прилавка, вдыхая острый запах лекарств, пыльный, сухой запах губок и мочалок. Сколько времени уходит на рассказы о своих недомоганиях и болях.

— Миндальное масло и бензойная тинктура, — сказал м-р Блум, — и потом померанцовый цвет...

Конечно, от этого у нее и кожа такая мягкая и белая, точно воск.

— И еще белый воск, — сказал он.

Подчеркивает, что у нее темные глаза. Смотрела на меня, натянув одеяло на нос, по-испански, нюхая собственный запах, когда я вставлял

запонки в манжеты. Часто домашние рецепты — самые лучшие: земляника от зубной боли: крапива и дождевая вода: говорят, овсяная мука в сыворотке от масла. Питанье для кожи. Один из сыновей старой королевы, герцог Олбэни, что ли, имел только одну кожу. Леопольд, да. А у нас их три. Бородавки, мозоли и прыщи портят ее. А тебе тоже нужны духи. Какими духами душится твоя? Peau d'Espagne. Этот померанцевый цвет. Химически чистое мыло. Вода такая свежая. Замечательный запах бывает у мыла. Еще есть время сходить в баню за углом. Горячая. По-турецки. Массаж. Грязь набивается катышками в пупок. Еще приятней, когда этим занимается хорошенькая девица. Я думаю, я. Да, я. Не прочь в ванне. Странное желанье я. Вода к воде. Приятное с полезным. Жаль, нехватит: времени на массаж. Потом весь день чувствуешь себя свежим. Похороны — мрачноватое занятие.

— Да, сэр, — сказал аптекарь. — Стоило два и девять. Вы бутылочку захватили?

— Нет, — сказал м-р Блум. — Приготовьте, пожалуйста, я зайду попозже днем и возьму кусок вот этого мыла. Почем оно?

— Четыре пенса, сэр.

Блум поднес кусок к носу. Сладкий лимонный воск.

— Вот это я возьму, — сказал он. — Итого, значит, три и один.

— Да, сэр, — сказал аптекарь. — Можете заплатить за все сразу, когда пойдете обратно.

— Хорошо, — сказал м-р Блум.

Он медленно вышел из лавки, газета, свернутая в трубку, под мышкой, мыло в восковой бумаге — в левой руке.

Из-за его плеча голос и рука Бэнтама Лайонза сказали:

— Алло, Блум, ну, что слышно? Сегодняшняя? Покажите-ка на минутку. Ей-богу, опять сбрил усы! Длинная, холодная верхняя губа. Чтобы моложе выглядеть. Дурацкий вид. Моложе меня.

Желтые, с черными ногтями, пальцы Бэнтама Лайонза раскатали трубку. Тоже не мешало бы помыться. Соскрести слой грязи. Доброе утро, вымылись мылом „Пирс"? На плечах перхоть. Надо мазать жиром кожу на голове.

— Я хотел прочесть про ту французскую лошадь, что сегодня бежит, — сказал Бэнтам Лайонз. — Чорт, ну где же это?

Он зашуршал сложенными листами, ворочая шеей в высоком воротничке. Зудит после бритья. Тугой воротничок, у него выпадут волосы. Лучше оставить ему газету и отвязаться от него.

— Можете взять себе, — сказал м-р Блум.

— Аскот. Золотой кубок. Подождите-ка, — бормотал Бэнтам Лайонз. — Одно мгнове. Максимум секунду.

— Я хотел бросить ее, — сказал м-р Блум.

Бэнтам Лайонз внезапно поднял глаза и слегка скосил их.

— Что такое? — спросил его крикливый голос.

— Я говорю, можете оставить себе, — ответил м-р Блум. — Я как-раз собирался выбросить ее.

Бэнтам Лайонз одно мгновенье колебался, кося: потом бросил развернутые листы на руки м-ру Блуму.

— Я рискну, — сказал он. — Возьмите, спасибо.

Он помчался к углу Конвэй-стрит. Ни пуха, ни пера.

М-р Блум опять сложил листы в аккуратный четырехугольник и завер-

нул в него мыло, улыбаясь. Дурацкая харя у этого типа. Пари. Рассыльные мальчишки воруют, чтобы поставить шесть пенсов. В кости можно выиграть большую, нежную индейку. Рождественский обед за три пенса. Джэк Флеминг растратил казенные деньги на игру, потом удрал в Америку. Теперь имеет собственную гостиницу. Они никогда не возвращаются. Египетские мясные горшки.

Он бодро пошел по направлению к турецкой бане. Похожа на мечеть, красный кирпич, минареты. Сегодня, очевидно, университетские состязания. Он поглядел на плакат в виде подковы над воротами университетского парка: велосипедист, скрючившийся, как стручок. Удивительно скверная реклама. Надо было бы круглую, в виде колеса. И спицы: состязанья, состязанья, состязанья: и большая втулка: университетские. Что-нибудь такое, чтобы бросалось в глаза.

А вон в швейцарской стоит Хорнблауэр. Подкатиться к нему; можно будет пройти задаром. Здравствуйте, м-р Хорнблауэр. Здравствуйте, сэр.

Прямо-таки божественная погода. Если бы жизнь всегда была такой. Погода для крикета. Сидят под навесами. Овер и овер. Аут. Тут они бы не могли играть. Капитан Буллер разбил окно в клубе на Килдэр-стрит ударом по левому краю. Им больше подходит базар в Доннибруке. Затрещали черепа, как Мак-Карзи появился. Волна жары. Это не надолго. Вечно течет, поток жизни, то, что мы оставляем в потоке жизни, дороже, чем все они вместе взятые.

Сейчас выкупаться: чистая ванна с водой, прохладная эмаль, мягкая, теплая струя. Вот это мое тело.

Он уже видел свое бледное тело, лежащее в ней, голое, в чреве тепла, умасленное душистым, тающим мылом, нежно омываемое. Он видел свое туловище и члены, оплескиваемые и зыблемые маленькими волнами, чуть вздыбленные, как поплавок лимонножелты...

Перевод с английского Вал. Стенича.